

Толстой имѣлъ нѣкоторое вліяніе на Чехова, но и онъ очень скоро освободился отъ этого вліянія. Даже въ собственной семьѣ Толстой одинокъ. Она любитъ его, но не раздѣляетъ его взглядовъ, а вѣдь кажется здѣсь, въ родной и нѣжно любимой и любящей семьѣ, Толстой имѣлъ возможность невозбранно и неустанно проповѣдовать свое ученіе. И любятъ Толстого; по крайней мѣрѣ у насъ въ Россіи, тѣ, кого онъ не признаетъ. Онъ отвергъ русскую революцію, а ея элементы преклоняются передъ нимъ. Толстой проклинаетъ всю нашу либеральную интеллигенцію, а она благословляетъ его и благодаритъ передъ нимъ; Толстой сурово осудилъ свою художественную дѣятельность, а мы восхищаемся ею. Толстой противъ рабочихъ организацій и классовой борьбы, но именно рабочіе несутъ свои гроши на организацію Музея Имени Толстого. Есть что то отрадное въ томъ фактѣ, что общественное движеніе, отрицаемое Толстымъ, тянется съ благоговѣніемъ къ великому проповѣднику: очевидно, обѣ стороны сближаетъ жизненная сила добра, присущая и тѣмъ и другимъ.

Насъ всѣхъ плѣняетъ и трогаетъ въ Толстомъ чуткая совѣсть, не знающая компромиссовъ, поражаетъ сила отрицательнаго анализа, глубокая и смѣлая критика неправдъ жизни; насъ восхищаетъ неуядающая красота его души, вѣчно ищущей правды, глубоко негодующей противъ всякой житейской мерзости. Его языкъ честенъ и правдивъ, какъ и его творчество; его поступки благородны; его мысли—мысли джентельмена въ лучшемъ значеніи этого слова. Въ Толстомъ восхищаетъ насъ это удивительно глубокое отвращеніе ко всякому насилію, неправдѣ, эксплуатаціи.

Стоя почти обѣими ногами въ могилѣ, не перестаетъ онъ возмущаться всякимъ злодѣяніемъ, и его честный голосъ далеко разноситъ по цѣлому свѣту негодующія рѣчи: „не могу молчать!“

Толстой—сама терпимость, сама гуманность, сама любовь. Передъ его лицомъ склоняется безсильная вражда, невысказанная національная злоба, невозможно человѣконенавистничество. Это самый обаятельный и—хотя и самый одинокій, но и самый любимый человѣкъ нашего времени. День его 80-ти лѣтія былъ поистинѣ днемъ именинъ человѣчества, у котораго много именъ—и Софокль, и Шекспиръ, и Ньютонъ, и Марксъ и, самое молодое, но самое любимое имя—Левъ Николаевичъ Толстой. Старѣющее человѣчество любитъ Толстого, какъ пожилые родители—своего самого младшаго сына.

Для насъ, русскихъ, Толстой вдвойнѣ дорогъ и близокъ. Начиная съ Новикова, Радищева и Бѣлинскаго русская интеллигенція живетъ тѣми-жи началами гуманности, человѣчности, которыя составляютъ сущность ученія Толстого. Уже Бѣлинскій говорилъ въ своемъ письмѣ къ Гоголю, что Вольтеръ, ненавидѣвшій католическихъ поповъ и ненавидимый ими, погасилъ въ Европѣ костры инквизиціи и былъ въ гораздо большей степени христіаниномъ, чѣмъ все католическое духовенство. Эту точку